

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА»

На правах рукописи

Дедюлькин Антон Владимирович

**Защитное снаряжение населения Крыма и Северо-Западного Кавказа
в эллинистическую эпоху**

Исторические науки:
07.00.06 – археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва

2020

Работа выполнена в отделе материальной культуры и древнего искусства Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей искусства народов Востока».

Научный руководитель: *Эрлих Владимир Роальдович*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела материальной культуры и древнего искусства Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей искусства народов Востока».

Официальные оппоненты:

Горнчаровский Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий отделом истории античной культуры Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Толстиков Владимир Петрович, кандидат исторических наук, заведующий отделом искусства и археологии античного мира Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж».

Защита состоится «2» октября 2020 г. в 14.30 на заседании совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук, по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН <https://www.archaeolog.ru/dissertation-council>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь совета,
кандидат исторических наук

И.А. Дружинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Эллинистическая эпоха началась в результате Восточного похода Александра Македонского, в эллинистической ойкумене практически непрерывно велись войны, её неотъемлемой частью было «право копья». Боспорское царство, Херсонес Таврический, а также степные номады (скифы, савроматы, ранние сарматы) и оседлое варварское население Северо-Западного Кавказа и Крыма (синды, меоты, колхи, тавры) периодически воевали между собой, а со II в. до н.э. участвовали в военных конфликтах государств Южного Причерноморья и Средиземноморья. Доспехи являются важнейшим историческим источником. Комплексное исследование защитного снаряжения позволяет изучить различные традиции оружейного производства (эллинистическую, италийскую, кельтскую, меотскую/западнокавказскую), их взаимовлияние. Для исследования привлекались как высокохудожественные образцы, отвечающие самым взыскательным вкусам, так и массовая продукция крупных мастерских. Находки предметов защитного снаряжения на Боспоре, в Крымской Скифии, на Северо-Западном Кавказе и Нижнем Дону позволяют исследовать возможные направления культурных и экономических связей, предпочтения эллинских и варварских элит, особенности использования античных доспехов в инокультурной среде. Доспехи – очень важный источник для изучения военного дела Боспорского царства и варваров Северного Причерноморья. Для хронологии некоторых разновидностей эллинистического вооружения, которые редко находят в нормальном датирующем контексте, именно материалы из Северного Причерноморья могут иметь принципиальное значение.

Нельзя сказать, что в историко-археологической литературе анализу вооружения и военного дела населения Крыма и Северо-Западного Кавказа эллинистической эпохи ранее не уделялось должного внимания. Исследователи, так или иначе, с различных позиций затрагивали эту

проблематику¹. В тоже время до сих пор нет специального исследования, посвященного комплексному изучению защитного снаряжения населения данного региона в эллинистическую эпоху.

Объектом исследования является вооружение населения Крыма, Западного Кавказа и Нижнего Дона в эллинистическую эпоху.

Предметом исследования являются металлические доспехи и их элементы, детали щитов, а также те составляющие конского парадного убора, которые могли выполнять защитную функцию. Рассматриваются как импортные (эллинистические, итальянские, кельтские) изделия, так и доспехи неизвестных производственных центров, среди которых выделяется предполагаемая продукция местных ремесленников.

Целью исследования является целостная характеристика защитного снаряжения населения Крыма, Северо-Западного Кавказа и Нижнего Дона эллинистической эпохи.

В ходе исследования планировалось решение следующих **задач**:

- создание максимально полного каталога находок предметов защитного снаряжения с рассматриваемой территории, с привлечением новых, неопубликованных материалов;
- верификация данных о контексте, хронологии, морфологии и конструкции уже известных предметов;
- анализ и сравнительная характеристика предметов защитного снаряжения, их морфологии, конструктивных и технологических особенностей;
- определение генезиса и хронологии различных элементов защитного снаряжения;

¹ Историография рассматривается в реферате главы 1.

- реконструкция путей попадания импортных доспехов к населению Крыма, Северо-Западного Кавказа и Нижнего Дона;
- выявление изделий, изготовленных в рамках одной ремесленной традиции, производственного центра, мастерской;
- подготовка наиболее полного на сегодняшний день комплексного исследования защитного снаряжения населения Боспорского царства, Крымской Скифии и Западного Кавказа второй половины IV – I вв. до н.э., сопоставление археологических материалов с возможным историческим контекстом.

Хронологические рамки охватывают эллинистический период (20-е гг. IV в. до н.э. – 30-е гг. I в. до н.э.), который применительно кномадам Северного Причерноморья совпадает с заключительным периодом истории степной Скифии и появлением на исторической арене ранних сарматов. Применительно к Боспорскому царству рассматриваются и комплексы второй половины IV в. до н.э., поскольку правление Перисада I выпадает на 346 – 310/309 гг. до н.э., и нет смысла ограничивать работу 323 г. до н.э., годом смерти Александра Великого, традиционной датой начала эллинистической эпохи. Значительные исторические события, происходившие в эллинистическую эпоху, оставили выразительный материальный «фон» находок. В это время происходят серьезные изменения в развитии защитного снаряжения: греческие оружейники начинают все чаще использовать железо для производства доспехов²; кельтскими оружейниками была изобретена кольчуга, быстро распространившаяся в античном мире; в Северное Причерноморье попадают щиты новой конструкции – фиреи и skutумы. Начиная со II в. до н.э. в Восточном Средиземноморье и Причерноморье появляются многочисленные шлемы типа Монтефортино, изготовленные для армии республиканского Рима. Вероятно, со временем Митридатых войн связано поступление шлемов восточнокельтского типа.

² Шлемов, кирас, поножей – трудоемких в изготовлении изделий из относительно крупных листов металла.

Верхняя хронологическая граница исследования определяется утратой независимости последним крупным эллинистическим государством – птолемеевским Египтом, и утверждением прямого и опосредованного господства римлян во всем Средиземноморье и Причерноморье.

Географические рамки включают исторические территории Боспорского царства, Крымской Скифии, а также территорию расселения тавров и меотских племен Северо-Западного Кавказа, с древних времен известного как регион развитой металлургии и металлообработки. Вместе с территорией Боспорского царства рассматривается и Нижний Дон, где в эллинистический период существовали последовательно два боспорских эмпория: так называемая Большая греческая колония на месте Елизаветовского городища, и Танаис, «самый большой после Пантикапея эмпорий варваров» (Strabo, VII, 4, 5). И Боспорское царство, и меотские племена находились в тесном взаимодействии со степными номадами – скифами, савроматами, ранними сарматами.

Источниковую базу исследования составляют археологические находки, рассматриваемые в комплексе с информацией письменных (сообщениями античных авторов, эпиграфическими материалами) и иконографических (рельефы, фрески, произведения декоративно-прикладного искусства, изображения на монетах и т.д.) источников. В работе рассматриваются 195 предметов: 80 шлемов и 7 нащечников, 39 наборных панцирей, 2 набора крупных пластин³, 1 шейный щиток, 10 кольчуг, 1 кираса, 5 наборных поясов, 11 пар кнемид, 6 наборных щитов, 5 щитов с деревянной основой, 28 конских налобников (см. Приложение 1). В соответствующих разделах приводится количество учтенных предметов той или иной разновидности. В работе рассматривались материалы из собраний Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея, Государственного музея искусства народов Востока, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Национального музея

³ Принадлежность их к доспеху не вызывает сомнений, но назначение пока не ясно.

Республики Адыгея, Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, Новочеркасского музея истории донского казачества, Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», Музея истории г. Сочи, Сочинского художественного музея, Геленджикского историко-краеведческого музея, Новороссийского исторического музея-заповедника, Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, Ростовского областного музея краеведения, Муниципального историко-краеведческого музея Усть-Лабинского района, Ялтинского историко-литературного музея.

Методы исследования. Применялись традиционные методы археологического исследования (типологический, сравнительно-аналитический, картографический). Визуальный осмотр дополнялся применением естественнонаучных методов исследования микроструктуры и элементного состава металлов. Максимально возможно использовались данные письменных и изобразительных источников. Методом экспериментальной археологии были определены трудозатраты на создание одной из разновидностей наборных панцирей. Для изучения изображений на эллинистических парадных доспехах применялся искусствоведческий анализ.

Личный вклад автора. Большинство доспехов, рассматриваемых в диссертации, были изучены автором лично. Была проведена работа по уточнению датирующего контекста многих комплексов. Автором исследовались⁴ различные категории защитного снаряжения эллинистической эпохи: кольчуги; шлемы местного производства из двух половин; шлемы типа Ново Место; шлемы-коносы; шлемы группы Мелос; шлем из мавзолея в Неаполе Скифском; нащечники, украшенные чеканными рельефами со сценой жертвоприношения (Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014; Дедюлькин 2013б; 2014а; 2016; 2017а; 2017б; Дедюлькин, Зайцев 2016; Дедюлькин, Шевченко 2017).

⁴ В публикациях в соавторстве разделы о доспехах написаны А.В. Дедюлькиным.

Новизна результатов диссертационного исследования. Выделена серия панцирей из пятиугольных чешуй с ребром жесткости, собранных на проволочных скобах, обоснована принадлежность этих наборов панцирям, а не щитам, как считалось прежде. Эти доспехи использовались как меотами, так и воинами Боспорского царства. Выделена и введена в научный оборот группа поздних кельтских шлемов с усиленной тульей. Уточнена хронология большой группы медных шлемов (т.н. тип Майкоп), впервые высказано предположение об их производстве для армии Понта и использовании меди без лигатуры как вынужденной меры. Установлено, что шлем Монтефортино из ст. Сергиевской, судя по характерным отверстиям от гвоздей, прежде был посвящен в храм или размещен на трофее. Автором зафиксирован уникальный случай переделки импортного шлема типа Монтефортино местным мастером в наголовье группы Даховская-Мезмай. Установлено, что в большинстве случаев модификация импортных шлемов была обусловлена предпочтениями варварских владельцев и не являлась вынужденным ремонтом. Впервые отмечена важность вторичного рынка импортных доспехов, которые могли быть перепроданными трофеями одного из конфликтов в Средиземноморье. Автор привел данные источников о довольно крупных масштабах скупки военной добычи и торговли трофейным вооружением. Источниковая база исследования значительно увеличилась по сравнению с работами предшественников.

Теоретическая значимость работы. Представлено первое обобщающее комплексное исследование защитного снаряжения населения Боспорского царства, Крымской Скифии, а также территории расселения тавров и меотских племен Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху.

Практическая значимость работы. Материалы исследования и полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении воинского снаряжения и военной истории Боспорского царства и варварских племен Крыма и Западного Кавказа. Материалы диссертации могут быть

привлечены при написании учебных пособий и подготовке лекций по вооружению и военному делу эллинистической эпохи, создании экспозиций музеев, а также для визуализации в научно-популярных изданиях, мультимедийных научно-популярных проектах и кинематографе.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов, представленных в настоящей работе, обеспечена исследованием значительного массива источников – предметов защитного снаряжения, а также максимально возможной верификации данных об их контексте и хронологии. По теме диссертационного исследования автором опубликовано 14 печатных работ общим объемом 12,6 п.л. (в том числе 4 объемом 4,8 п.л. в рецензируемых изданиях).

Основные положения работы обсуждались на общероссийских и международных конференциях (Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.; Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа, Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья; VIII Всероссийская научная конференция «Проблемы сарматской археологии истории»; Историческое оружие в музейных и частных собраниях).

Положения, выносимые на защиту

1. Продукция оружейных мастерских эллинистической традиции поступала на Северо-Западный Кавказ и в Крым на протяжении всего рассматриваемого периода, с последней трети IV в. до н.э. до второй половины I в. до н.э. Эллинистические шлемы представлены как массовой допехами (пилос, коносы серии Мерджаны), так и достаточно качественными изделиями (железный конос из мавзолея царя Скилура) и изысканными образцами с роскошным декором (шлем из гробницы возле Карантинного шоссе). Шлемы италийской традиции представлены исключительно шлемами типа Монтефортино. Наголовья кельтской традиции представлены поздними вариантами бронзовых шлемов с усиленной тульей, а также железными шлемами типа Ново Место. Контекст

находок позволяет предполагать, что шлемы италийской и кельтской традиций попали в Северное Причерноморье во время Митридатовых войн в конце II – первой половине I вв. до н.э.

2. Многие из импортных доспехов IV – II вв. до н.э. могли поступать в Северное Причерноморье в качестве товаров, являясь перепроданными трофеями одного из конфликтов в Средиземноморье. Известен специальный термин для обозначения торговцев, которые следовали за армией, скупая добычу – *λαφυροπώλης* (Plut. Ages. 9. 5). Наличие недорогих средиземноморских товаров показывает интенсивность торговых связей с Боспором и варварами Западного Кавказа и Крыма. В IV – III вв. до н.э. импортные доспехи были представлены исключительно продукцией греческих оружейников. Во II – I в. до н.э. добавляется продукция италийских и кельтских мастеров, получают распространение шлемы, изготовленные варварскими оружейниками Западного Кавказа.

3. Местное происхождение имеют две группы шлемов, многочисленные находки которых локализируются исключительно в пределах Северо-Западного Кавказа. За ними закрепились названия группа Майкоп (20 наголовий) и группа Даховская-Мезмай (21 шлем). Обилие находок шлемов групп Даховская-Мезмай и Майкоп и их компактная локализация дают серьезные основания для того, чтобы видеть в этих наголовьях продукцию местных ремесленных центров и мастерских, что уже отмечали В.Р. Эрлих, С. Чандрасекаран и Д.П. Алексинский (Эрлих 1996; Чандрасекаран 2013: 396; Чандрасекаран 2016: 122; Алексинский 2013: 59; Алексинский 2016: 54). Медные шлемы группы Майкоп, судя по датировке их контекста, централизованно производились для армии Митридата VI или Фарнака II.

4. Конские пластинчатые налобники с симметричными лопастями и панцири на проволочных скобах появились на Западном Кавказе и Боспора в результате контактов с Фракией и Западным Причерноморьем. Железный халкидский шлем с чешуйчатой тульей также мог быть изготовлен в Западном Причерноморье.

Структура работы

Исследование состоит из введения, 7 глав, заключения, списка источников и литературы, 1 приложения (Каталога находок, 8 карт, 25 таблиц иллюстраций).

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, сформулированы цели и основные задачи исследования, определены территориальные и хронологические рамки работы, охарактеризована источниковая база, указаны методологические основы и методы, использованные в исследовании. Здесь же показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава 1. История изучения защитного снаряжения эллинистической эпохи, содержит суммарный историографический обзор литературы. В **разделе 1.1** рассматриваются исследования, посвященные импортному вооружению, начиная с работы А.Н. Оленина (Оленин 1835) до современных публикаций. В **разделе 1.2** дается обзор исследований защитного снаряжения греческих государств Северного Причерноморья и местных варварских племен. М.И. Ростовцев кратко рассмотрел защитное снаряжение боспорян и степных кочевников (Ростовцев 1914: 334 – 338). Вооружение эллинистической эпохи рассматривается в диссертации Н.И. Сокольского (Сокольский 1954). В 1955 г. вышла статья исследователя о боспорских щитах (Сокольский 1955). В.Д. Блаватский кратко рассмотрел защитное снаряжение эллинистической эпохи в монографии о военном деле античных государств Северного Причерноморья (Блаватский 1954). А.П. Манцевич провела подробное исследование фрагментов шлема, относящегося к т.н. группе Конверсано из второго Мастюгинского кургана (Манцевич 1969). Импортные греческие доспехи рассматривались в статье Ю.Н. Воронова, посвященной вооружению населения Северо-Западной

Колхиды (Воронов 1975: 224 – 229). Эти племена обычно отождествляются с гениохами Страбона. Н.И. Сударев впервые поставил вопрос о сознательной модификации античных шлемов варварами Северного Причерноморья (Сударев 1990). Ю.А. Виноградов посвятил монографию военному делу Боспора с момента возникновения греческих колоний до начала правления Фарнака (Виноградов 2004; Виноградов, Горончаровский 2009). В публикациях исследователя рассматриваются различные сюжеты, связанные с военным делом и вооружением Боспора эллинистической эпохи (Виноградов 1993; 1997; 2001; 2005; 2017; Бутягин, Виноградов 2014). М.Ю. Трейстер посвятил специальное исследование прекрасному нагруднику кирасы из ст. Елизаветинской (Трейстер 2009). Эллинистические доспехи рассматривались в нескольких статьях, докладах и научно-популярной книге Д.П. Алексинского (Алексинский 2005; 2008а; 2008б; 2013; 2016). Д.П. Алексинский выделил местные грубые подражания халкидским шлемам типа V по классификации Г. Пфлюга (Pflug, 1988. S. 145, abb. 2, Typ V), которые объединил в группу Майкоп (Алексинский 2016: 54). Находки локализуются на территории северных предгорий Западного Кавказа и на черноморском побережье. До настоящего времени эти шлемы-подражания всегда рассматривались исследователями как оригинальная продукция греческих оружейников. Военское снаряжение населения Северо-Западного Кавказа и Крыма раннего железного века рассматривалось в работах по вооружению скифов (Мелюкова 1964; Черненко 1968; Černenko 2006) и сарматов (Хазанов 1971; Симоненко 1987; 1989; Simonenko 2001; Симоненко 2008а, 2008б, 2010, 2014; 2015). В исследованиях В.Р. Эрлиха и С.П. Кожухова (Эрлих 1992; Кожухов 1994; 1999) были собраны все известные на тот момент материалы по вооружению населения Закубанья в раннем железном веке. Кандидатская диссертация В.Р. Эрлиха была посвящена вооружению и конскому снаряжению населения Закубанья в скифское время, включая и период раннего эллинизма. Исследователь впервые выделил группу местных шлемов, склепанных из двух половин (Эрлих 1992, с. 111 – 114; Эрлих 1996).

Диссертация С.П. Кожухова была посвящена вооружению и конскому снаряжению «меото-сарматского времени», III в. до н.э. – III в. н.э. (Кожухов 1994). Часть этого исследования, посвященная доспехам, вошла в статью о катафрактариях (Кожухов 1999). Краткий обзор доспехов эллинистической эпохи содержится в работе Р.Б. Схатума (Схатум 2001), эти предметы рассматриваются в статье Н.Е. Берлизова (Берлизов 2008) и в монографии И.С. Каменецкого (Каменецкий 2011), в монографии И.И. Марченко, посвященной сиракам (Марченко 1996). В 2008 г. С.Ю. Янгулов защитил диссертацию, посвященную военному делу и вооружению скифов Нижнего Дона по материалам Елизаветовского могильника (Янгулов 2008). Доспехи исследователь впоследствии рассмотрел в отдельной статье (Янгулов 2015).

Предметы защитного снаряжения с территории Северо-Западного Кавказа и Крыма эллинистической эпохи рассматривались в статье Б.З. Рабиновича о шлемах скифского периода (Рабинович 1941), в докладе А.В. Симоненко о доспехах из Прикубанья I в. до н.э. – III в. н.э. (Симоненко 1989). Большинство находок италийских и кельтских шлемов из Восточной Европы были собраны в совместной статье Б.А. Раева, А.В. Симоненко и М.Ю. Трейстера (Раев и др. 1990; Raev et al. 1991). Шлемы Монтефортино рассматривались в статьях Ю.П. Зайцева, Г.М. Казакевича, А.Н. Ворошилова (Зайцев 2008; Казакевич 2009; Ворошилов 2010). До недавнего времени в Северном Причерноморье был известен всего один шлем восточнокельтского типа, из кургана возле хут. Бойко-Понура (Марченко 1994), а также серебряный назатыльник, вторично использованный как украшение конской сбруи, из кургана у пос. Яшкуль, в междуречье Дона и Волги (Otchir-Goriaeva 2002: 370 – 372). В 2011 г. в кургане 18 могильника «Царский», в округе Танаиса, в ритуальном комплексе был обнаружен еще один шлем типа Ново Место (Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014). Импортные и местные шлемы V – I вв. до н.э. из Причерноморья рассматривались в статье Ю.П. Зайцева (Zaicev, 2009). Исследователь опубликовал щит-фирей из некрополя городища Ак-Кая/Вишенное (Зайцев 2018). Н.Г. и М.В. Новиченковы

опубликовали римское военное снаряжение, фрагменты кольчуг, детали щитов и шлемов из святилища у перевала Гурзуфское Седло (Новиченкова 1998; 2002; 2011; 2013; 2015).

И.И. Марченко занимался проблемами хронологии пластинчатых конских бронзовых налобников (Марченко 1988; 1996; Лимберис, Марченко 2005; Марченко, Лимберис 2009). Значительный вклад в изучение парадного конского убора внесла Е.А. Беглова. Исследовательница проанализировала все элементы убора, представив его целостной системой (Беглова 2002; 2008; 2016). С. Чандрасекран посвятила серию публикаций и диссертацию греческим доспехам эллинистической эпохи (Чандрасекран 2010; 2011; 2012; 2013а; 2013б; 2016). Независимо от Д.П. Алексинского исследовательница выявила грубые подражания халкидским шлемам типа V, объединив их в группу «мастерская Сочи». Несмотря на значительные достижения предшественников, изучение защитного снаряжения эллинистической эпохи сохраняет свою актуальность. Обилие новых материалов и повторное обращение к уже известным артефактам и комплексам позволяет пересмотреть и переосмыслить существующие гипотезы и выводы.

Глава 2 посвящена шлемам, которые представлены наибольшим количеством находок (80 наголовий и 7 отдельных нащечников). В **разделе 2.1.1** рассматривается продукция оружейных мастерских эллинистической традиции (28 шлемов разных типов и 5 нащечников). Эллинистические шлемы представлены как массовой продукцией (пилос, коносы серии Мерджаны), так и достаточно качественными изделиями (железный конос из мавзолея царя Скилура) и превосходными образцами, достойными царей и полководцев (шлем из гробницы возле Карантинного шоссе).

В **разделе 2.1.2** рассматриваются шлемы италийской традиции, представленные исключительно шлемами типа Монтефортино. На территории Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного

Причерноморья известно более двух десятков⁵ этих шлемов. 8 шлемов Монтефортино рассматриваются в данной работе. Вероятно, большинство италийских шлемов попало в Северное Причерноморье в конце II – первой половине I вв. до н.э. Значительный интерес представляет шлем из Сергиевской, который судя по характерным отверстиям, был посвящен в храм или использовался как элемент трофея. Шлемы Монтефортино представлены относительно поздними разновидностями, которые датируются не ранее конца III – II вв. до н.э. Большинство из них попало в Северное Причерноморье во время Митридатовых войн.

Раздел 2.1.3 посвящен наголовьям кельтской традиции, которые представлены четырьмя артефактами: двумя поздними вариантами бронзовых шлемов с усиленной тульей, а также двумя железными шлемами типа Ново Место. Контекст находок позволяет предполагать, что все они попали в Северное Причерноморье во время Митридатовых войн одновременно с италийскими шлемами Монтефортино.

В **разделе 2.2** рассматриваются две группы шлемов предположительно местного происхождения, многочисленные находки которых локализируются исключительно в пределах Северо-Западного Кавказа. **Раздел 2.2.1** посвящен шлемам группы Майкоп, изготовленным из луженой меди, а не из бронзы. Наиболее ранние образцы достаточно близко повторяют форму бронзовых халкидских шлемов типа V. Поздние наголовья грубее и отдаляются от греческих прототипов, но оформлены самобытным декором. На данный момент известен 21 шлем этого типа. Поздние шлемы мастерской Сочи происходят из комплексов, датирующихся не ранее конца II в. до н.э. Вполне возможно, что выбор «чистой» меди был обусловлен не какой-то особой самобытностью ремесленной традиции Западного Кавказа, а массовым производством для армии Митридата VI или Фарнака II и проблемами с поставками олова.

⁵ В последние годы появилась информация о новых находках, поэтому указано примерное количество.

В разделе 2.2.2 рассматривается другая многочисленная группа, получившая название Даховская-Мезмай, представлена бронзовыми шлемами, склепанными из двух половин, украшенных чеканным орнаментом. Известен 21 шлем этого типа. Обилие находок шлемов групп Майкоп и Даховская и их компактная локализация исключительно на Западном Кавказе дают серьезные основания для того, чтобы видеть в этих наголовьях продукцию местных ремесленных центров и мастерских (Эрлих 1996; Чандрасекаран 2013: 396; Чандрасекаран 2016: 122; Алексинский 2013: 59; Алексинский 2016: 54).

В разделе 2.3 рассматриваются технологические особенности оформления различных элементов (кромки, фронтоны, петель нащечников) импортных и местных шлемов. Очевидно, что мастера использовали привычные в рамках традиции и школы технологические схемы и их комбинации.

В разделе 2.4 представлено хронологическое распределение шлемов:

1. Во второй половине IV – III вв. до н.э. преобладают импортные шлемы, изготовленные в рамках греческой и эллинистической традиции (халкидские, тиаровидные, аттические, аттические с козырьком). Возможно, в III в. до н.э. начинается производство ранних разновидностей шлемов группы Майкоп.
2. Во II в. до н.э. помимо поздних разновидностей эллинистических шлемов (коносов, аттических с козырьком) эпизодически использовались шлемы более ранних типов (пилосов, халкидских). Продолжалось изготовление местных медных наголовий группы Майкоп. Кроме того, начинается производство местных бронзовых шлемов из двух половин группы Даховская-Мезмай.
3. В конце II – 60-х годах I в. до н.э. в связи с событиями Митридатых войн в Северное Причерноморье попадают многочисленные италийские шлемы Монтефортино, кельтские шлемы типа Ново Место и шлемы с усиленной тульей. Продолжали широко использоваться шлемы местного производства, медные наголовья группы Майкоп и бронзовые группы

Даховская-Мезмай. Кроме того поступали поздние разновидности эллинистические шлемов (коносы, аттические с козырьком). Значительный интерес представляет шлем Монтефортино, переделанный сообразно предпочтениям варварского владельца в наголовье группы Даховская-Мезмай.

Вероятно, в условиях маневренной войны в степи и перестрелок конных лучников нащечники импортных шлемов создавали определенные неудобства. Поэтому сарматы часто убирали нащечники со шлемов, а воины Боспорского царства, Крымской Скифии и Западного Кавказа обычно использовали наголовья с нащечниками.

Глава 3 посвящена корпусным доспехам. В силу специфики археологических источников, можно составить лишь фрагментарное представление о корпусных доспехах, практически исключительно по сохранившимся металлическим элементам. **Раздел 3.1** посвящен чешуйчатым доспехам, одной из самых распространенных разновидностей защитного снаряжения скифской эпохи. Чешуйчатые панцири из комплексов IV в. до н.э. представлены стандартными для скифской эпохи формами пластин: прямоугольными, прямоугольными с закругленным нижним краем, прямоугольными с треугольным нижним краем, что соответствует типам 3, 1 и 2 классификации Е.В. Черненко (Черненко 1968: 27). К сожалению, большинство доспехов фрагментированы, происходят из ограбленных комплексов или представлены единичными чешуйками, поэтому делать какие-то статистические выводы было бы некорректно. Можно лишь отметить, что в небольшой выборке, рассматриваемой в данной работе, преобладают пластины с закругленным нижним краем, тип 1 классификации Е.В. Черненко (Черненко 1968: 27). В комплексах I в. до н.э. из кургана 1 у хут. Зубовского и кургана у ст. Воздвиженской, а также погребениях 300/2012 г. и 477/2012 г. некрополя Танаиса представлены чешуи с полукруглым нижним краем и чеканным медиальным ребром, с парными отверстиями для крепления к основе. Подобные пластины Е.В. Черненко

интерпретировал как римские, на основании сходства с чешуйками из Масады (Черненко 1968: 30). Эту атрибуцию поддержал А.В. Симоненко и соотнес эти чешуи с римскими доспехами *lorica plumata* (Симоненко 2015: 127). Сопоставление пластинок из Северного Причерноморья с *lorica plumata* некорректно, они сильно отличаются по размерам, форме и конструкции. Принадлежность чешуек из Масады именно римским доспехам небесспорна (Stiebel, Magness 2007: 31). Чешуйки с ребром найдены в гробнице с ионийским фасадом в Вергине (Drougou 2016: 340). Таким образом, доспехи из чешуек с ребром и парными отверстиями из северопричерноморских погребений I в. до н.э. могут быть как римскими, так и изготовленными в рамках эллинистической традиции.

В разделе 3.2 рассматриваются панцири с жестким набором на проволочных скобах. В Северном Причерноморье известно два доспеха из длинных пластин, из кургана 1875 г. на мысу Ак-Бурун и беспаспортный панцирь из КГИАМЗ. Наиболее поздней находкой доспеха на проволочных скобах является панцирь из т.н. Ахтанизовского клада. Автором была выделена группа панцирей Грушевская-Ак-Бурун. Хронологические рамки бытования таких доспехов предварительно определяются в пределах конца IV – III в. до н.э. Панцири Грушевская-Ак-Бурун были изготовлены боспорскими или меотскими ремесленниками, более точно определить производственный центр на данном этапе нельзя.

Раздел 3.3 посвящен поясам с металлическим набором. Относительная редкость находок поясов на Западном Кавказе может быть связана с особенностями обряда, когда доспех не включали в состав погребального инвентаря. Безусловно, пояса с пластинчатым набором, как и панцири, не были общедоступным элементом воинского снаряжения. В погребениях и ритуальных комплексах, датирующихся позднее начала III в. до н.э., пояса с металлическим набором не обнаружены. Фрагменты бронзового доспеха из т.н. Ахтанизовского клада, которые М.И. Максимова интерпретировала как пояс (Максимова 1969: 56), вероятно, являются частью панциря на

проволочных скобах. Набор пластин с зубчатым краем из кургана 5 у аула Уляп, судя по 12 литым колокольчикам, найденным с ним вместе, был размещен на конском нагруднике (Эрлих 1992: 124). В.Р. Эрлих справедливо отметил, что пластины такой формы известны уже в предскифское время (Эрлих 1992: 124 – 125). Пояса, как и чешуйчатые панцири, могли изготавливать как меотские, так и боспорские ремесленники.

В **разделе 3.4** рассматриваются кольчуги. С территории Северо-Западного Кавказа происходит не менее семи находок кольчуг эллинистического времени. На территории Крыма крупные фрагменты кольчуг найдены в святилище у перевала Гурзуфское Седло (Новиченкова 2009: 284). На территории Боспорского царства фрагменты кольчуг были найдены в Среднем кургане № 2 Васюринской горы и в погребении 300/2012 г. некрополя Танаиса. К сожалению, большинство кольчуг из Северного Причерноморья свернуты в рулоны или фрагментированы и сильно корродированы, что не позволяет уверенно судить об их конструкции. Значительный интерес представляет фрагмент бронзовой конной статуи из Неаполя Скифского, на котором достаточно четко обозначены кольца кольчуги. Не вызывает сомнений, что скульптура была связана с герооном Аргота, и датируется тем же временем (Зайцев 2003: рис. 46. 1). Изображение кольчуги на статуе героизированного полководца хорошо согласуется со свидетельствами Полибия и достаточно многочисленными археологическими находками второй половины II в. до н.э. Можно констатировать, что кольчужные доспехи со II в. до н.э. использовались воинами как Боспорского царства, так и варварских племен: поздними скифами, таврами, меотами и сарматами.

Раздел 3.5 посвящен кирасам. В Северном Причерноморье кирасы на данный момент представлены единственной находкой из кургана 6/1914 – 1915 г. у ст. Елизаветинской. Косвенным свидетельством использования мускульных панцирей в Боспорском царстве является хорошо сохранившийся нагрудник бронзовой кирасы из Музея Войска Польского

(Żygulski 1984: 146). Он был найден в Поволжье и поступил из коллекции Й. Чаки (Mielczarek 1995: 35 – 40). Это доспех IV в. до н.э. и наиболее вероятно, что он попал к кочевникам через Боспорское царство, как предполагал М. Мельчарек.

В **разделе 3.6** рассматриваются пластины группы Курджипис, представленные наборами вытянутых подпрямоугольных и коротких трапецевидных пластин со скругленными углами, с мелкими отверстиями по краям. Один комплект происходит из основного погребения кургана Курджипис, датирующегося второй половиной IV в. до н.э. (Галанина 1980: 60, 99–100). Еще один набор пластин вместе с панцирем серии Грушевская-Ак-Бурун входил в состав комплекса, проданного на аукционе Hermann Historica (Дедюлькин 2014: рис. 4: 2–6), а в настоящее время находящегося в Музее Классического искусства в Мужене. Неясно, каким образом подобные пластины размещались на доспехе. Эти пластины неизвестны за пределами Северо-Западного Кавказа. Их совместные находки с панцирями серии Грушевская-Ак-Бурун позволяют предположить происхождение из одного ремесленного центра.

Раздел 3.7 посвящен уникальному для Западного Кавказа доспеху для защиты шеи. Он состоит из изогнутой прямоугольной пластины с закругленными краями, которая образует стоячий воротник, и небольшой пластины сегментовидной формы для прикрытия нижней части шеи. Мною было высказано предположение, что этот элемент доспеха был изготовлен в том же центре, что и курджипиские пластины, на основании сходства небрежной манеры исполнения (Дедюлькин 2014в: 174 – 175, рис. 6. 5). Косвенным аргументом в пользу производства в одном центре может служить совместная находка панцирей группы Грушевская-Ак-Бурун и с набором пластин, аналогичных курджиписким, и с шейным щитком.

В **Главе 4** рассматриваются поножи. Достоверных находок наборных поножей, подобных доспехам из погребения на некрополе Нимфея (Черенко 1970: 196 – 197, рис. 4), в комплексах эллинистического времени пока

неизвестно. В рамках данной работы рассматриваются одиннадцать пар импортных греческих наколенников. Находки поножей в погребениях IV в. до н.э. достаточно многочисленны и широко представлены как в Крыму, так и на Северо-Западном Кавказе и Нижнем Дону. В кургане Курджипс у одной из трех пар кнемид были грубо срезаны наколенники (Приложение 1, № 149; Галанина 1980: 50 – 52, 100). Сложно себе представить, какие повреждения надо нанести, чтобы их нельзя было устранить и понадобилось бы полностью удалять оба наколенника. Мне представляется, что наколенники кнемид из кургана Курджипс удалены умышленно, для удобства нового владельца. Археологические находки кнемид в комплексах II – I вв. до н.э. очень редки. Вполне вероятно, что этим временем датируется разрушенное погребение с поножами на некрополе Неаполя Скифского. Л.К. Галанина обоснованно предположила, что постепенный отказ от кнемид был связан с распространением высоких щитов-фиреев, защищающих ноги (Галанина 1965: 12).

Глава 5 посвящена щитам. Щит является важной частью защитного снаряжения, дополняя доспех или компенсируя его отсутствие. В данном исследовании преимущественно рассматриваются щиты с металлическим покрытием или металлическими элементами, поскольку щиты из органических материалов (дерева, прутьев, кожи) практически не прослеживаются археологически. Поэтому самая распространенная категория защитного снаряжения представлена в исследовании очень небольшим числом находок, всего 11 щитов: 6 с металлическим наборным покрытием, 2 гоплитских асписа, 3 фирея и скутума. **Раздел 5.1** посвящен щитам с металлическим наборным покрытием. Было установлено, что один из наборных щитов из ритуального комплекса кургана 30 у аула Нечерзий, судя по его форме и размерам является заспинным. Как показали исследования А.И. Минжулина, такие щиты надежно крепились за спиной воина и были своеобразными комбинированными щитами-наплечниками (Минжулин 1988). В **Разделе 5.2** рассматриваются щиты гоплитского типа

(асписы). Использование греческих круглых деревянных щитов с бронзовыми оковками на Боспоре в IV в. до н.э. не вызывает сомнений, поскольку письменные источники и эпитафические памятники содержат упоминания о греческих наемниках, которые, вероятно, имели гоэлитское вооружение (Блаватский 1954: 70 – 72; Виноградов, Горончаровский 2009: 82). В силу особенностей погребального обряда на территории Боспорского царства найдена пока лишь одна оковка щита, в воинском погребении возле Карантинного шоссе, которое датируется второй половиной III в. до н.э. Фрагменты оковок ободов щитов-асписов, украшенных характерной плетенкой, были использованы для изготовления декоративных бляшек, украшавших погребальный кортеж в кургане Толстая Могила (Мозолевский 1979: 118, рис. 100: 11, 12) и пластин наборного пояса из Гаймановой Могила (Бидзиля, Полин 2012: 434, 437, рис. 615). Вполне возможно, что эти фрагменты оковок щитов попали к скифам через Боспор, хотя нельзя полностью исключить и поступление из других центров, например, из Ольвии. Оковка обода гоэлитского щита, украшенного пятирядной плетенкой, была обнаружена в кургане Курджипис (Галанина 1980: 50 – 51). Это единственная находка гоэлитского щита в Закубанье.

Раздел 5.3 посвящен щитам-фиреям и скутумам. Наиболее ранние изображения фиреев на Боспоре фиксируются на монетах Левкона II. Судя по изображению латенского меча на другой стороне монеты, это кельтский фирей (Трейстер 1992: 38 – 39). В Боспорском царстве и Крымской Скифии во II – I вв. до н.э. фиреи широко использовались, судя по многочисленным изображениям – терракотам (Пругло 1966), рельефам надгробных стел (Толстикова 1976), моделям, деталям украшений. Упоминаемый в делосских надписях «критский фирей», вероятно, является какой-то облегченной, уменьшенной модификацией овального пехотного фирея. Край именно такого щита (подпрямоугольной формы) можно увидеть на надгробии критянина Диодота, сына Энея, из Таманского археологического музея. Надгробие датируется серединой I в. до н.э. (Блаватская 1996: 6 – 7).

Металлические продолговатые умбоны и детали двух щитов типа *scutum* были найдены в святилище у перевала Гурзуфское Седло (Рис. 21. 15 – 17; Новиченкова 2015: 73, рис. 120 – 124). Один из щитов был украшен бронзовыми посеребренными накладками, умбон также был посеребрен (Новиченкова 2015). По мнению М.В. Новиченковой щит является римским и датируется временем Митридатовых войн. Это наиболее вероятная интерпретация, но нельзя исключать полностью, что этот щит был изготовлен в понтийских мастерских, для воинов армии Митридата, вооруженных «по римскому образцу» (*εἰς φάλαγγα Ῥωμαϊκήν*, Plut. Luc. 7.4). Уникальной находкой является фирей поздней разновидности, без ребра и с круглым умбоном, из комплекса конца II – I в. до н.э. на некрополе городища Ак-Кая (Зайцев 2018: 297 – 313).

В **Главе 6** рассматриваются средства защиты боевого коня. С территории Западного Кавказа и Центрального Предкавказья происходит значительное количество предметов конского парадного убора, бронзовых пластинчатых налобников, нащечников и нагрудников. Этот материал наиболее обстоятельно проанализирован в статьях Е. А. Бегловой (Беглова 2002, 2008, 2016). Некоторыми исследователями эти предметы рассматриваются как декоративные элементы сбруи, не предназначенные для боевого применения (Беглова 2002: 161; Кудрявцев и др. 2000: 44–46), поскольку они изготовлены из относительно тонких листов металла и иногда украшены мелкими подвесками на проволочных крючках. Это справедливо для небольших налобников типов III, VI, VII по классификации Е.А. Бегловой, и узких пластин, украшающих конские нагрудники. Крупные налобники имеют толщину около 1 мм, вполне сопоставимую с толщиной античных доспехов, закрывают всю переднюю часть головы коня и вполне функциональны, поэтому Е.В. Черненко рассматривал их как защитное снаряжение (Мурзин, Черненко, 1980: 157, 161–162). Как средство защиты боевого коня определяют такие налобники И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис (Марченко, Лимберис 2009: 69), А.В. Симоненко (Симоненко 2018: 35). В

качестве подвесок нагрудников этого убора использовались нащечники шлемов (Рис. 24. 12 – 13; Раев 2007). Б.А. Раев высказал предположение, что нащечники использовались как символическая замена скальпов убитых врагов (Раев 2007: 378). Не вызывает сомнений, что выбор деталей шлемов в качестве подвесок конского убора был вполне осознанным. Поскольку убор с нащечниками происходит из жертвенных комплексов, сложно определить однозначно, являются ли эти подвески просто апотропеями, или же демонстрируют воинскую доблесть всадника. В диссертации рассматриваются 28 больших конских налобников, которые по своим характеристикам могли выполнять и защитную функцию. Наибольшее количество находок бронзовых пластинчатых налобников (не менее 26) происходит с территории Западного Кавказа. На территории Крыма обнаружено всего два налобника первого типа. Налобники типа II, с симметричными лопастями, появляются раньше налобников типа I. Эти предметы не имеют прототипов среди украшений меотской сбруи предшествующего времени – литых, ажурных, украшенных сложным декором т.н. «елизаветинского» стиля. А.П. Манцевич справедливо указала на сходство симметричных фракийских и кубанских пластин, возможную связь их силуэта с формой секиры-лабриса (Манцевич 1958: 468). Возможно, что исходный импульс к появлению налобников типа II действительно исходил из Фракии, откуда происходит серия серебряных налобников аналогичной формы, надежно датированных IV в. до н.э. (Стоянова 2015: Обр. 3а, 3б; Обр. 5). Я. Иванов также пришел к выводу, что форма фракийских налобников воспроизводит силуэт двулезвийной секиры-лабриса (Иванов 2012: 796). Декор меотских налобников и нагрудников, состоящий из композиций рельефных концентрических кругов, розеток, полос, сетчатого орнамента не имеет корней в более ранней меотской традиции, что совершенно справедливо отметила Е.А. Беглова. Исследовательница присоединилась к точке зрения Е.В. Переводчиковой и К.Б. Фирсова (Переводчикова, Фирсов 2004), что истоки этого стиля могут указывать на

фракийское влияние (Беглова 2009: 506). У налобников первого типа, с округлостью и лопастью нет каких-то очевидных прототипов. Вероятно, они появились без каких-то внешних импульсов, непосредственно у меотов. Возможно, их верхняя часть, иногда украшенная фестонами, изображает зеркало (ср. Эрлих 2015: 309, рис. 7). Это сходство дополняется округлостями из врезных линий, аналогичных декору зеркал. Зеркала, использованные в качестве подвесок-апотериев конских нагрудников, есть в Мелитопольском кургане, в ритуальном комплексе из Острого, в Центральной могиле Бердянского кургана (Болтрик, Фиалко 2007: рис. 1 – 3, б). Местное происхождение этой группы предметов парадного убора не вызывает сомнений. Е.А. Беглова высказала предположение об изготовлении налобников и нагрудников на Боспоре (Беглова 2002: 161). И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис связывают их производство с меотским населением Закубанья (Марченко, Лимберис 2009: 74), эту точку зрения сейчас разделяет и Е.А. Беглова (Беглова 2016: 45). Судя по обилию находок предметов парадного убора на Западном и Центральном Кавказе, такая локализация представляется наиболее вероятной.

В **Главе 7**, в **разделе 7.1** рассматриваются возможные пути попадания импортных доспехов в Северное Причерноморье. Импортные доспехи могли попадать к варварскому населению Северного Причерноморья как военные трофеи и как товары. В единичных случаях можно предполагать изготовление или доработку доспехов по индивидуальному заказу, непосредственно для представителей варварской элиты. Редко когда импортные доспехи, найденные на варварской территории, можно уверенно интерпретировать как трофеи военных конфликтов. Информация нарративных источников достаточно скудна, известно о двух наиболее крупных сражениях раннеэллинистической эпохи, произошедших в Северном Причерноморье – разгроме армии Зопириона и битве при Фате. С междоусобицей сыновей Перисада I связывают находки из кургана Курджипис (Эрлих 1996: 179) и Большой Близницы (Чадрасекаран, 2011: 293).

Вполне вероятно, что многие из шлемов Монтефортино и все восточнокельтские попали в Северное Причерноморье в связи с событиями Митридатовых войн (Раев 1988: 39; Щукин 1994: 143; Симоненко 2014: 262). Часть доспехов позднеэллинистического времени, найденных на Северо-Западном Кавказе, могла быть захвачена у воинов армии Митридата VI. Во время неудачного похода на ахеев в 81 – 80 гг. до н.э. (Сапрыкин 1996: 275), войско понтийского царя понесло значительные потери (App. Mithr. 67).

Часто любые относительно ценные импортные предметы в варварском контексте интерпретируют как трофеи или дипломатические дары и пытаются привязать к каким-то конкретным историческим событиям (Смирнов 1953: 22; Раев 1993: 175; Засецкая, Марченко 1995: 100; Марченко 1996: 123 – 128; Лимберис, Марченко 2003: 117; Трейстер 2010: 239 – 240; Симоненко 2011б: 158 – 160). Сама практика выделения «волн импортов» часто применяется по отношению к погребениям, которые этими же импортами и датируются и не имеют более узких хронологических привязок. Возникает опасность искусственного объединения погребений с импортами в некие компактные группы, с привязкой к сконструированной исследователем «волне». Между тем, торговые контакты кочевого и оседлого варварского населения с греческими городами Северного Причерноморья недвусмысленно засвидетельствованы античными авторами (Strabo XI 2. 3, 10). В.Р. Эрлих справедливо указал на тот факт, что стеклянные и металлические сосуды могли поступать на Кубань в качестве товара, наряду с импортными бусами, которые ввозились из Средиземноморья на протяжении всей эллинистической эпохи, и терракотовыми погребальными украшениями (Эрлих 2012: 489; Эрлих 2015: 36). Никому пока не пришло в голову выделять «волны импортов» для стеклянных бус и погребальной терракотовой бижутерии, амфор, бальзамариев и столовой посуды, усматривая в них дипломатические дары или трофеи. Безусловно, доспехи не относились к товарам массового потребления, доля их в общем товарообороте была невелика. Не всегда это были новые изделия, на

некоторых предметах защитного снаряжения заметны следы износа, доработок, ремонта. Вероятно, часть доспехов могла быть трофеями одного из конфликтов в Средиземноморье. Известен специальный термин для обозначения торговцев, которые следовали за армией, скупая добычу – λαφυροπώλης (Plut. Ages. 9. 5). Воины Филиппа V при разграблении Ферма взяли в храмовых портиках наиболее ценное вооружение (Polyb. V. 8). Тит Ливий прямо указывает на распределение трофейных доспехов среди воинов Персея после битвы при Лариссе (Liv., XLII, 61, 1 – 2). В последней трети III – первой половине II вв. до н.э. известно не менее семи крупных военных конфликтов, происходивших на Балканах и в Эгеиде, в результате которых трофейные доспехи могли быть захвачены и проданы: Союзническая война, три Македонские войны, кампания Филиппа V в Эгеиде и Малой Азии, кампания Антиоха III в Малой Азии, Этолийская война. Благодаря развитой морской торговле, в навигационный период любой товар из Македонии, Греции, Эгеиды, Восточного Средиземноморья мог быть доставлен по воде в течение двух-трех недель (Diod. III.34.7; Максимова 1956: 149). Применительно к Северо-Западному Кавказу следует рассматривать два основных направления поступления товаров: через города Боспорского царства, и из Колхиды, через перевалы Западного Кавказа (Раев 2006: 306 – 307).

Принципиальное значение имеет датировка появления сарматов в степях Северного Причерноморья. Генезис и хронология раннесарматской культуры являются предметом дискуссии. Исходя из имеющихся данных, более вероятным представляется появление сарматов на Нижнем Дону и в степях Прикубанья не позднее первой четверти II в. до н.э. (Глебов 2007: 68 – 69; Шевченко 2011: 55). В начале II в. до н.э. вокруг Танаиса возводятся стены (Шелов 1970: 114 –115), вероятно, в связи с возникновением кочевнической угрозы (Полин 1992: 117; Глебов 2007: 69). Датировка появления укреплений Танаиса согласуется с упоминанием Полибием в контексте событий 180 – 179 гг. до н.э. сарматского правителя Гатала,

Γάταλος ὁ Σαρμάτης (Pol. XXV. 2. 12–13), и данными эпиграфики – манумиссии сарматки Филы 168/167 гг. до н.э. (Граков 1939: 304 – 305; Полин 1992: 94; Daub 1943: 52; Mulliez 1998: 232). Собственного производства металлических доспехов у ранних сарматов, вероятно, не было. Кочевники пользовались всеми разновидностями импортных наголовий – кельтских, италийских, эллинистических. Судя по всему, точно такая же ситуация была с чешуйчатыми и ламеллярными панцирями, кольчугами, кирасами. Отсутствие на территории Сарматии находок шлемов группы Майкоп и группы Даховская-Мезмай, широко представленных на Западном Кавказе, может быть обусловлено как предпочтениями номадов, так и случайностью, поскольку выборка не столь велика. Способы приобретения импортного защитного снаряжения варварами иногда могут быть определены по контексту. Вполне вероятно, что доспехи знати были не трофеями, а дарами или покупками. Например, в кургане Курджипис вместе с защитным снаряжением были найдены и другие престижные импортные вещи. Применительно к комплексам со скромным инвентарем, почти наверняка следует говорить о трофеях. Иногда наблюдается определенный диссонанс между богатством погребального инвентаря и качеством доспеха. Простые импортные шлемы, образцы массовой продукции, были найдены в захоронениях представителей элиты, впускном погребении Буеровой могилы, гробнице у станицы Ахтанизовской и погребении 3 могильника Мезмай-1. Такая ситуация может иметь двойное объяснение. Возможно, эти простые доспехи отвечали вкусам владельца, либо предмет положили специально для похорон, сохранив более качественный прижизненный доспех.

В разделе 7.2 рассматриваются региональные особенности использования защитного снаряжения.

Наиболее полную картину эволюции защитного снаряжения можно представить применительно к Боспорскому царству. Этому способствует как наличие представительных погребальных комплексов с доспехами, так и

серия достаточно репрезентативных воинских надгробий. Очевидно, что на Боспоре использовались как паноплии, представленные исключительно защитным снаряжением эллинистической традиции (погребение возле Карантинного шоссе), так и смешанные комплекты вооружения (курган Кекуватского, Буерова могила, погребение у ст. Ахтанизовской, курган 1875 г. на мысу Ак-Бурун), с доспехами местного производства. Все перечисленные погребальные комплексы принадлежат представителям элиты, поэтому очевидно, что использование того или иного вооружения обусловлено именно личными предпочтениями, а не дороговизной или малой доступностью доспехов. Не всегда возможно определить однозначно, принадлежали ли погребения со смешанными наборами вооружения эллинизированным представителям местных племен, или же боспорским грекам. Наличие варварского вооружения не может указывать на этническую и культурную принадлежность его владельцев, поскольку в более позднее время на Боспоре прослеживается активное использование греками оружия варварской традиции (Трейстер 2010).

Несомненно, что почти полное отсутствие доспехов в погребениях Крымской Скифии обусловлено особенностями погребального обряда.

На территории расселения меотских племен защитного снаряжения найдено довольно много, но реконструкция состава паноплий осложнена особенностями обряда – многие доспехи происходят из жертвенных комплексов. В IV в. до н.э. меоты использовали чешуйчатые панцири, доспехи на проволочных скобах, наборные пояса, щиты с набором из полос, в том числе, вероятно, за спинные. Достаточно распространены были греческие бронзовые шлемы халкидского типа, знатные воины использовали греческие кнемиды. В кургане Курджипс зафиксирован единственный пока греческий гоплитский щит. Со второй половины IV в. до н.э. меотские всадники начинают использовать большие пластинчатые конские налобники с симметричными лопастями. В III в. до н.э. продолжают применяться панцири на проволочных скобах, шлемы эллинистической традиции

(халкидские и аттические с козырьком), греческие кнемиды. Не ясно пока назначение крупных подпрямоугольных пластин из кургана Курджипс и музея в Мужене. Не позднее конца IV в. до н.э. появляются конские налобники с круглой верхней частью и лопастью внизу, которые к концу III в. до н.э. постепенно вытесняют пластины с симметричными лопастями. Возможно, уже в III в. до н.э. начинают применяться самые ранние медные шлемы группы Майкоп. Во II в. до н.э. происходят серьезные изменения в составе паноплии. Появляются кольчуги, которые в I в. до н.э. уже не уступают по популярности чешуйчатым панцирям. К концу II в. до н.э. в связи с обытиями Митридатовых войн появляются импортные шлемы кельтской и италийской традиций. Эллинистические наголовья представлены халкидскими, коносами, пилосом, аттическими с козырьком. Помимо шлемов группы Майкоп, появляются местные бронзовые шлемы из двух половин, группы Даховская-Мезмай. Крупные пластинчатые конские налобники постепенно выходят из употребления к концу II в. до н.э.

А.В. Симоненко справедливо отметил, что редкость находок защитного снаряжения в памятниках ранних сарматов обусловлена тем, что доспех было не принято класть в погребение (Симоненко 2015: 311). Применительно к погребениям с небогатым инвентарем такое отсутствие может быть обусловлено использованием упоминаемых Страбоном шлемов и панцирей из сыромятной бычьей кожи и легких плетеных щитов (Strab. VII.3.17). Известный пассаж Тацита о том, что доспехи у сарматов носят *principibus et nobilissimo*, «вожди и знать» (Tac. Hist. 1. 79), вполне справедлив и по отношению кномадам II – I вв. до н.э. По археологическим находкам можно составить некоторое, не всегда полное, представление о составе паноплии. Сарматы охотно использовали импортные металлические шлемы и доспехи разных типов – чешуйчатые панцири, кольчуги, кирасы. Нельзя исключать и использование импортных доспехов из органических материалов – льняных панцирей, котфибов. Было установлено, что сарматы часто убирали нащечники со шлемов, в отличие от воинов Боспорского царства, Крымской

Скифии и Западного Кавказа. Такая модификация могла быть вызвана особенностями степной войны, когда хороший обзор был особенно важен.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования и формулируются основные выводы:

1. Продукция оружейных мастерских эллинистической традиции поступала на Северо-Западный Кавказ и в Крым на протяжении всего рассматриваемого периода, с последней трети IV в. до н.э. до второй половины I в. до н.э. Эллинистические шлемы представлены как массово производившимися доспехами (шлем-пилос, коносы серии Мерджаны), так и достаточно качественными изделиями (железный конос из мавзолея царя Скилура) и дорогими высокохудожественными образцами (шлем из гробницы возле Карантинного шоссе). На основании анализа инвентаря комплексов из Северного Причерноморья были предложены уточнения хронологии ряда наголовий эллинистической традиции (шлемов с тиаровидной тульей, шлемов группы Мелос; коносов), которые редко находят в нормальном датирующем контексте. Уникальный железный халкидский шлем типа V с чешуйчатой тульей из погребения 773 могильника Волна-1 мог быть изготовлен как на Боспоре, так и в Западном Причерноморье, поскольку во Фракии тоже были известны чешуйчатые панцири и шлемы, доспехи с набором из металлических полос.

2. Шлемы италийской традиции представлены исключительно шлемами типа Монтефортино. На основании рентгенологического исследования шлема из хут. Нижнесазонова было установлено, что навершие кованое, с очень тонкими стенками. Навершие остальных аналогичных шлемов изготовлены по той же технологии. На внутренней поверхности тулий шлемов хорошо различимы следы молотка, все они изготовлены выколоткой. Шлем Монтефортино из ст. Сергиевской, судя по характерным отверстиям от гвоздей, прежде чем попасть к сарматам был посвящен в храм или размещен на трофее. Наголовья кельтской традиции представлены поздними

вариантами бронзовых шлемов с усиленной тульей, а также железными шлемами типа Ново Место.

3. Поздние разновидности шлемов с усиленной тульей впервые были выявлены автором и вводятся в научный оборот в данном исследовании. На двух шлемах из Ростовской области прослежен интересный декор: навершие редуцировано, а чеканные валики имитируют составную конструкцию. Сложно определить однозначно, были ли изготовлены эти шлемы кельтскими ремесленниками, или же в мастерской эллинистической традиции по кельтским образцам. Контекст находок позволяет предполагать, что шлемы италийской и кельтской традиций попали в Северное Причерноморье во время Митридатовых войн в конце II – первой половине I вв. до н.э. Поздние разновидности шлемов с усиленной тульей сосуществовали с ранними шлемами восточнокельтского типа. Это наблюдение позволяет дополнить хронологическую схему У. Шааффа.

4. Были подробно рассмотрены технологические особенности оформления местных и импортных шлемов. Автором был зафиксирован уникальный случай переделки импортного шлема типа Монтефортино местным мастером в наголовье группы Даховская-Мезмай. В рамках исследования была уточнена хронология комплексов с медными шлемами группы Майкоп. Судя по датировке комплекса из Лазаревского более изящные шлемы (условно ранние) использовались вплоть до рубежа эр, того же времени, что грубые шлемы серии Сочи. Они происходят из комплексов, датирующихся не ранее конца II в. до н.э., что позволяет соотнести их с медными чешуйками панциря, обнаруженными в башне на Раевском городище, в контексте II в. до н.э. – рубежа эр. Медные шлемы серии Сочи, судя по всему, централизованно производились для армии Митридата VI или Фарнака II. Вполне возможно, что выбор меди без лигатуры был вынужденной мерой, обусловленной массовым производством и проблемами с поставками олова.

5. Было установлено, что в большинстве случаев модификация импортных шлемов была обусловлена предпочтениями варварских владельцев и не

являлась вынужденным ремонтом. Демонтаж нащечников с импортных шлемов во многих случаях был обусловлен тактическими предпочтениями номадов, а не утратами или повреждением. Нащечники мешают боковому обзору конного стрелка, даже незначительный выступ сбоку от глаза перекрывает значительный сектор на дистанции стрельбы из лука. Группа доспехов на проволочных скобах, используемых как меотами, так и воинами Боспорского царства была выделена автором, обоснована принадлежность этих наборов панцирям, а не щитам, как считалось прежде. Были обоснованы хронологические рамки для панцирей из пятиугольных чешуй группы Грушевская-Ак-Бурун.

6. Специфика Западного Кавказа заключается в преобладании бронзовых наборных доспехов, в то время как в Скифии в IV в. до н.э. чаще использовали железо для производства защитного снаряжения. Эта особенность может быть связана с наличием доступной медной руды и давними традициями металлообработки.

7. Автор впервые указал на возможность поступления в Причерноморье трофейного вооружения, попадавшего на рынок после каждого конфликта в Восточном Средиземноморье, привел данные источников о довольно крупных масштабах скупки военной добычи и торговли трофейным вооружением. Способы приобретения импортных доспехов варварскими воинами были различными. Если относительно доспехов знати можно предполагать дар, покупку или изготовление на заказ, то применительно к комплексам со скромным инвентарем почти наверняка следует говорить о трофеях.

Подводя итоги, можно сказать, что данная работа является наиболее полным на сегодняшний день комплексным (с привлечением широкого круга археологических, иконографических и письменных источников) исследованием защитного снаряжения населения Боспорского царства, Крымской Скифии и Западного Кавказа эллинистической эпохи.

Список публикаций в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus:

1. Дедюлькин А.В. Защитное снаряжение местного производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху // *Stratum plus*, 2014, № 3. С. 169 – 184.
2. Дедюлькин А.В. Шлемы аттического типа с козырьком и votivные клады III – I вв. до н.э. // *Stratum plus*, 2016, № 3. С. 163 – 196.
3. Дедюлькин А.В. Доспех из погребения рубежа эр могильника Мезмай-1. Кольчуги на Северо-Западном Кавказе / Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф // *Stratum plus*, 2017, № 4. С. 47 – 56.
4. Дедюлькин А.В. Римский шлем из хутора Нижнесазонова в историко-археологическом контексте / Дедюлькин А.В., Бойко А.Л. // *Stratum plus*, 2019, № 4. С. 101 – 112.

Список публикаций в других научных изданиях:

1. Дедюлькин А.В. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г.* / отв. ред. Н.П. Тельнов. – Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 34 – 45.
2. Дедюлькин А.В. Шлемы серии Даховская-Мезмай. Типология и проблемы генезиса // *Восточноевропейские древности: сборник научных трудов.* – Воронеж, 2013. С. 124 – 135.
3. Дедюлькин А.В. Шлемы восточнокельтского типа в погребальных и ритуальных комплексах на территории Сарматии / Дедюлькин А.В., Глебов В.П., Гордин И.А. // *Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии истории».* Уфимский археологический вестник. Вып.14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 77 – 83.

4. Дедюлькин А.В. Шлемы-коносы на Северо-Западном Кавказе и в эллинистической ойкумене // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). – Краснодар: Традиция, 2014. С. 59 – 71.
5. Дедюлькин А. В. Военское снаряжение скифской эпохи из могильников «Дугино Х» и «Крест» в дельте Дона // Прокофьев Р. В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов-на-Дону, 2014. С. 350 – 363.
6. Дедюлькин А.В. Панцири серии Грушевская/Ак-Бурун. Проблемы генезиса и хронологии // Военские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Материалы конференции. Ноябрь 2012 г. Сост. И. Г. Бурцев. Тула, 2014. С. 5 – 17.
7. Дедюлькин А.В. Эллинистический железный шлем из мавзолея Неаполя Скифского / Дедюлькин А.В., Зайцев Ю.П. // История и археология Крыма. Вып. IV. Симферополь. 2016. С. 50 – 65.
8. Дедюлькин А.В. Междисциплинарные исследования эллинистического вооружения: достижения, проблемы и перспективы // Единство в многообразии: междисциплинарные перспективы гуманитарного знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 10-летию Программы междисциплинарного индивидуального гуманитарного образования ЮФУ (Ростов-на-Дону, 1 декабря 2016 г.) / ЮФУ. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2017. С. 52 – 60.
9. Дедюлькин А.В. Нащечники шлема с изображением сцены жертвоприношения из Закубанья // The New Past. 2017 (2). С. 106 – 119.
10. Дедюлькин А.В. Шлемы группы Мелос // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 2017. С. 7 – 18.